

Глава 7. Сушёные фрукты и сахар

Чжоу Юань вовсе не удивился, увидев старосту. Поблагодарив тётушку Сун, он отставил лапшу в сторону — всё равно к тому моменту, как они закончат разговор, она бы уже остыла.

— Чжоу Юань, ты ел? — Староста внимательно оглядел его. Синий кирпичный дом уже почти был под крышей, хотя сам Чжоу Юань всё ещё жил в пристройке сбоку. Купленная им корова была привязана неподалёку.

— Староста, — спокойно откликнулся Чжоу Юань, ни смиренно, ни высокомерно. Он даже не взглянул на двух мужчин, стоявших за старостой.

— Я слышал, что сегодня произошло. Может, это какое-то недоразумение?

— Никакого недоразумения, староста, — сказал Чжоу Юань, поднимаясь на ноги. — Мои деньги не с неба свалились. Я заработал их, рубя головы на поле боя. Одну за другой.

Староста, Чэнь Сы и Мэн Чжуцзы окаменели.

— Я последние дни за ними наблюдал. За одно утро они десять раз сходят пописать, потом три раза покакать, а ещё же нужно после этого воды напиться... ну, раз с десятков подходов, — взгляд Чжоу Юаня даже не дрогнул. — Плачу я им щедро. Вам двоим, пожалуй, стоило бы показаться врачу. Это уже не шутки.

Лица Чэнь Сы и Мэн Чжуцзы моментально полыхнули красным. Они начали было возмущаться, но стоило Чжоу Юаню лишь шагнуть вперёд, как оба тут же сдулись и попятились.

Староста поспешил вмешаться:

— Чжоу Юань, я уже отчитал их за это. Ну пусть продолжают работать ради меня. Мы же все из одной деревни, всё равно друг другу на глаза будем попадаться.

Чжоу Юань посмотрел ему прямо в глаза и вытащил нож из-за пояса. Лезвие было так изъедено зазубринами, что почти всё по краю состояло из мелких сколов. Даже мимолётного взгляда хватало, чтобы уловить от него запах смерти.

— Староста, я взял этот нож на войну. Им я снял головы с сотен врагов. Своей жизнью рисковал, чтобы заработать право на спокойную жизнь сейчас.

По закону простым людям запрещалось держать оружие. Но Чжоу Юань вернулся как награждённый воин, и так как этот нож принёс ему боевые заслуги, ему разрешили забрать его домой.

Староста нервно сглотнул:

— Да... конечно.

— Я вернулся в деревню Лохэ потому, что скучал по ней, — продолжил Чжоу Юань. — Хочу здесь осесть надолго. Но если дело примет дурной оборот, я могу обратиться за справедливостью в уезд или даже в префектуру. И вот тогда другим может быть совсем не так приятно. Разве не так?

Староста кивнул, будто оглушённый:

— Да... так.

Чжоу Юань поднял уже остывшую лапшу.

— Староста, останетесь на ужин?

Но староста тут же потащил обоих мужчин прочь, не переставая извиняться через плечо.

Чжоу Юань проводил их холодным фырканием.

Тётушка Сун принесла ему целую огромную миску лапши, которая была больше похожа... на тазик, чем на миску. Лапша была не из белой муки, а из смеси круп, поэтому казалась грубоватой. Тыква была обжарена на сале — жирно, ароматно, до того вкусно, что язык проглатываешь. Бульон согревал остротой, пробирал до жаркого пота.

Поев, он вымыл миску, вывел корову пастись и вернулся домой лишь к сумеркам.

Он постучал к тётушке Сун, держа пустую миску. Дверь же неожиданно открыл Чэнь Цин.

Увидев, кто пришёл, Чэнь Цин тут же опустил взгляд. Тётушка Сун сказала, что пойдёт прогуляться, и велела ему подождать дома.

— Я пришёл вернуть миску.

— Хорошо.

Не поднимая глаз, Чэнь Цин взял у него тазик. Случайно его пальцы коснулись тыльной стороны руки Чжоу Юаня и он мгновенно вздрогнул, отдернув руку.

— Сейчас принесу ведро.

Чжоу Юань кивнул.

Чэнь Цин оставил тазик на кухне и вернулся с ведром, по-прежнему пряча взгляд.

Чжоу Юань лишь пожал плечами и ушёл, закинув ведро на плечо.

Когда он ушёл, тётушка Сун вернулась домой. Увидев Чэнь Цина в дверях и заметив, что ведро возле бочки с водой исчезло, она спросила:

— Чжоу Юань заходил?

— Да, я отдал ему ведро, — ответил Чэнь Цин.

В деревне по вечерам было мало дел. Наполнив бочку водой, Чэнь Цин привёл в порядок двор, загнал кур, уток и гусей в загончики, обмылся холодной водой и лёг спать.

Погода в мае была ни холодной, ни жаркой — самое то. Каждый вечер перед сном Чэнь Цин обдумывал, чем займётся завтра, и под эти мысли постепенно засыпал.

Деревня была маленькая, и всё, что случилось вчера, сегодня уже знали все. Пошли слухи, что Чэнь Сы и Мэн Чжуцзы были выгнаны Чжоу Юанем, а староста пытался всё уладить, но тот отказался.

В Лохэ староста был последней инстанцией. Никто никогда не перечил его слову. Даже Чэнь Сы и Мэн Чжуцзы, обладавшие какими-никакими связями со старостой, обычно расхаживали по деревне вольготно. Но впервые кто-то осмелился его осрамить.

— Говорят, Чжоу Юань вытащил нож и сказал старосте, что этим ножом немало голов поснимал, — произнесла тётка Лю, помогая тётушке Сун мыть овощи. Это была та самая женщина, что как-то собирала с ней траву. Болтлива и остра на язык, но когда дело доходило до настоящих проблем, сердце у неё было мягче многих.

Тётушка Сун приподняла бровь:

— И правильно. А то некоторые думают, что можно помыкать приезжим.

Чэнь Цин молчал, нарезаая овощи рядом. Ему нравилось слушать её пересуды с другими деревенскими женщинами.

— А дом-то у него как быстро растёт, — продолжила тётка Лю с завистью. — Уже и больше, чем у старосты. Вот достроит — свахи в очередь выстроятся.

Чэнь Цин на мгновение замер, глубоко вздохнул, затем вновь перевернул лопаткой овощи в миске.

— А разве это не естественно? — спокойно сказала тётушка Сун. — Дом из синего кирпича, большая жёлтая корова, никаких свекровей, да ещё и хозяин — что ни глянь, красавец. Какому гэру или женщине не повезёт выйти за него замуж?

Тётка Лю немного погрузтелла, её дочь давно уже была отдана замуж.

Тётушка Сун же оставалась спокойной:

— Ну, это чья-то другая удача.

Тётка Лю поспешила сменить тему, опасаясь, что тётушка Сун может впасть в тяжёлые воспоминания.

Хотя работников осталось меньше, дом строился быстрее, чем прежде. К тому времени, как в Лохэ настали самые жаркие дни, дом Чжоу Юаня был почти готов.

Оставалось лишь установить главную балку и уложить черепицу.

По деревенскому обычаю, на балку нужно было повесить красные петарды и рассыпать по ней смесь зёрен — на удачу.

В тот день двор Чжоу Юаня был полон людей. Даже Чэнь Цина, который терпеть не мог выходить из дома, тётушка Сун вытащила на праздник.

После установки балки, оставалось ещё немного работы. Чжоу Юань не хотел больше нанимать помощников и собирался закончить всё сам. Он рассчитался со всеми, включая семью Чэнь Цина, и отпустил их по домам. Оставшегося было совсем немного, поэтому он делал всё не спеша.

Чэнь Цин с завистью смотрел на крепкий кирпичный дом.

Когда наступил благоприятный час, петарды грохнули так, что у него заложило уши. Чжоу

Юань стоял высоко, на балке, держа в руках таз, одолженный у семьи Чэнь Цина.

В тазу были арахис, сушёные бобы, конфеты в обёртках, медные монетки и кусочки красной бумаги.

После того как старейшины произнесли благопожелания, Чжоу Юань, с таким же непроницаемым лицом, как всегда, рассыпал всё содержимое вниз. Дети радостно взвизгнули и бросились собирать арахис, а кому повезёт — монетки или конфеты.

Тётушка Сун наклонилась, подняла горсть арахиса и вложила её в ладонь Чэнь Цина.

Чэнь Цин очистил один орешек и съел. Потом чуть придвинулся и прошептал:

— Мам, люди не станут судачить, что мы сегодня пришли?

Всё-таки они ещё были в трауре.

Тётушка Сун вздохнула. Чэнь Цин был хорош во всём, кроме одного — слишком уж любил переживать.

— Ты что, не видел, что Чжоу Юань и не подумал возражать? Если бы он считал это неприличным, стал бы брать у нас посуду?

Чэнь Цин кивнул и перестал ломать голову. Но среди такой толпы ему всё равно было не по себе, поэтому он тихо попрощался с тётушкой Сун и ускользнул домой.

Сев на кровать с корзинкой для рукоделия, он задумался, какие сейчас платочки в моде. Об этом упоминал хозяин лавки, когда Чэнь Цин ездил в город.

Но... как на платке выразить любовь или симпатию?

Юноша думал довольно долго, но так ничего и не придумал. В этот момент тётушка Сун позвала его из дверей и сказала, что идёт с тёткой Лю резать траву курам.

Чэнь Цин кивнул. Когда она ушла, он заметил, что шум у соседей всё ещё не стих. Помимо ребятни, там толпились и незамужние девушки, и женщины — каждая пыталась заговорить с Чжоу Юанем.

Чэнь Цин чуть наклонил голову, чтобы взглянуть наружу, и ему вдруг показалось, что высокий силуэт в толпе смотрит прямо на него. Сердце у него ухнуло, он резко отвернулся и поспешно скрылся в комнате.

Солнце клонилось к закату. Чэнь Цин собрал последние дикие овощи в огороде. Погода становилась слишком жаркой — скоро для них уже будет не сезон. Съедят эту порцию и до следующего года ждать.

Летом аппетит у людей слабый, так что он старался готовить что-то полегче.

Он только поставил воду кипятиться, как вдруг услышал три тихих стука. Он узнал их сразу.

Вытер влажные руки о одежду и оставив там два тёмных отпечатка, он открыл дверь. На пороге стоял Чжоу Юань, держа в руках таз.

Чэнь Цин всё так же избегал его взгляда. Он просто принял таз.

— Спасибо, — негромко сказал Чжоу Юань.

Юноша покачал головой и едва-едва поднял глаза, но тут же снова опустил.

— Пустяки.

Он закрыл дверь. Когда глянул в таз, то увидел в нём горсть арахиса и бобов, две конфеты и две медные монеты.

Он поднял взгляд, но увидел лишь спину Чжоу Юаня, удаляющегося по двору.

Чэнь Цин прижал ладонь к конфетам в восковых обёртках. Сердце у него сжалось, наполнившись чем-то, чему он не мог подобрать название.

Когда тётушка Сун вернулась после покосов, она увидела Чэнь Цина у дверей с тем самым тазом.

— А Цин, ты чего тут стоишь?

Чэнь Цин очнулся и показал ей таз.

— Сосед вернул.

Тётушка Сун заглянула внутрь и кивнула:

— Чжоу Юань — хороший человек.

Чэнь Цин не стал спорить. Он сам знал его мало. Но тётушка Сун часто звала его поесть и просила рассказать что-нибудь о жизни в лагере... главным образом, чтобы услышать хоть крупицу о Мэн Тао.

Чжоу Юань всегда был терпелив, иногда он вспоминал что-нибудь. Не всё, конечно, было о Мэн Тао, но тётушке Сун и этого хватало.

Зубы у неё уже были слабые, поэтому конфеты она отдала Чэнь Цину, а себе нащелкала немного арахиса. На ужин она почти ничего не ела.

Дикие овощи, которые приготовил Чэнь Цин, были освежающими, но стояла жара, и есть совсем не хотелось. Он давно привык готовить побольше еды вечером. Чжоу Юань каждый день приносил им много овощей. Если этого не удавалось доесть за обед, Чэнь Цин готовил их на ужин.

Увидев тушёную капусту с мясом и три паровых булочки, тётушка Сун сразу поняла, для кого это.

Чэнь Цин чуть смутился, опасаясь, что тётушка Сун подумает лишнее:

— Это... остались с обеда, вот я и...

— Я ничего не говорю. Я сама отнесу.

Чэнь Цин сделал глоток горячей воды и замолчал.

Постепенно спустилась летняя ночь. Он чуть приоткрыл окно. Вечерний ветерок проник

внутри, прогоняя жар и духоту, и он наконец задремал.

Но спал Чэнь Цин чутко: любой шорох мог его разбудить.

Ночью он услышал лёгкое-лёгкое шуршанье.

И открыл глаза.

<http://bllate.org/book/14422/1274906>